

МОРСКИЕ ПСЫ

ЮЛИЯ ДО

12+

Юлия До

Морские псы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65578046

SelfPub; 2022

Аннотация

Главный герой отправляется со своим приятелем на побережье. Ему предстоит столкнуться с подводным Ужасом, увидеть то, чего никто ранее не видел.

Юлия До

Морские псы

«Отрада» звучит, как «отрава». Разве приставка «от» не говорит об отдалении (даже в самом определении есть злощастное «от»)? «Отраднo» – равно «далеко от радости». Так я считал всю жизнь. Я не знал отрады. Знал только отраву. Но не будем отвлекаться.

Один из моих «приятелей» затащил меня однажды, ранним летом, на побережье – вернее, на тоненькую полоску серого, вперемежку с галькой, песочка. Впереди – темная гладь и нависающие над нею тучи, позади – реденький лесок с неприличными проплешинами, но живописными, надо признать, тропками.

И вот, стою я на мутной мели, по колено в воде, подзрительно теплой для начала лета. Под ногами вязкий песок, склизкость, грязь, водоросли, норовящие задушить щиколотку. «Приятель» зазывал меня на глубину. «Это тебе не ванну принимать!» – хохотал он, брызжа в меня нарочно, как непоседливое дитя. Конечно, это не ванна! Ванна не похожа на суп. В ванне есть нежная пена и мыло, а не песок и бородастые камни.

Я сделал шаг, сделал два. Мелкие песчинки окружали меня, назойливо забиваясь во все щели тела, и без того оскверненного болезнями. Я отмахивался от них, бежал, брыкался,

но от этого их рой становился все больше, а вода вокруг меня – все мутнее. Я не видел своих ног.

Непоседа отплыл уже далеко от берега, метров на семьдесят, не меньше. Он лег на спину, выставив на обозрение и без того хмурых туч свое голое пузо, бултыхаясь, как поплавок. «Нырни же, давай, – кричал поплавок, – это же для здоровья, ныряй!»

Здоровье! Чего только люди ни делали ради его сохранения – кто пил урину вместо чая, кто уксус, кто отвар из раковин мидий. От меня же требовалось лишь окунуться. Лишь раз.

С недоверием натянув тугую резину в-воду-нырятельных пластмассовых очков, заткнув берушами уши, зажав ноздри, я все-таки нырнул. Вода почему-то виделась мне желто-зеленой, яркой, не такой, какой казалась с берега; что там с берега, я ведь только что смотрел на эту самую серо-унылую воду, откуда столько красок, столько цвета? Будто художник, писавший луга в преддверии осени, окунул палитру в чан с кристально чистой родниковой водой; затем высыпал в тот же чан короб соли. Быть может, именно так Бог создал море.

Мне чудились странные образы, тени, затейливые изгибы водорослей, трясина. По волнам плыло мертворожденное дитя. Тельце его с девственно торчащей пуповиной было синего – нет, багрового, – нет, пурпурного отлива. В кровавых разводах, слизи, которые распространяли наивными отзывчивые воды вокруг. Лучи пробивающегося через зеркальную

гладь солнца освещали мертворожденного мальчика. Тельце мирно плыло по течению. И на сердце на мгновение сделалось так спокойно. словно затишье перед бурей осознания и громом ужаса. Я, захлебываясь, задыхаясь, выпрыгнул из воды, начал истерично звать на помощь – никого. Даже поплавок скрылся за горизонтом. Но где мои вещи? Где лес? Где я? Обернувшись трижды вокруг своей оси, раскрыв насильно пальцами глаза, я не увидел ничего. Одно лишь море. Дождь. Дрожь в плечах и судорога холода в груди. Я вновь нырнул в неправдоподобно теплую воду, провел предварительно вокруг себя руками – не дай Бог оказаться лицом к лицу с телом!

Ничего, лишь благоговейная муть.

Я снова всплыл, взглянул на небо – дождь не прекращал, стемнело.

И снова желто-зеленые переливы, дребезжание света, теплые течения обдают дыханием милостивого Посейдона. Лживое блаженство. Я заметил волосатую тень невдалеке, она приближалась ко мне с нечеловеческой скоростью. То был морской пес, но не тот, о котором вы подумали, не кошачья акула, малая версия обыкновенной. Предо мной предстал пес – с телом земного пса, но легкими рыбы – врывающийся могучими лапами в морское дно, рычащий пес. Тонны песка вздымались ввысь. Я понял, что был его целью. Я начал кричать, но лишь пузыри немого воздуха вырывались из моего рта. Пес приближался, рыча и скаля зубы. Я не смог

вспомнить слов ни одной молитвы, лишь повторял: «Боже, пожалуйста, Боже, пожалуйста»; уже не надеясь.

Тень пса лишь шелохнула подле меня воду. Он пронесся мимо – к маленькому красновато-сине-пурпурном нечту, спасаемому сердобольным течением. Безжизненно и безнадежно. Чудище глубин в один удар челюстей надломило беззащитное тельце, вгрызлось в него, немилосердно раздирая мягкую плоть зубами. Я оцепенел, время, казалось, остановилось. Кислорода в легких не убавлялось, какая отрада. Как раздиралось мое сердце, мне показалось, что ребенок ожил, чтобы кричать. Как ликовало, что пес выбрал не меня. *Не меня.* Но что это за звуки? Это второй морской пес. Третий, четвертый. Вся свора, жаждущая крови! Апофеоз голода и безумия освещался прожекторами солнца.

Я стоял по шею в воде. Приятель дергал меня за плечо. Я не мог понять, что произошло. Он вел меня к берегу, говоря что-то успокоительное. То есть успокаивающее. Успокоительное я принял после.

Мы сидели на берегу, когда спина морского пса показалась мне из воды. Я больно толкнул приятеля: «Ты тоже это видишь?!» Он лишь потер плечо и ничего не ответил.

Серая гладь была покойна, словно вода в стакане в вымершем доме, городе, мире.